

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

**Академик Н. К. Никольский — организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности
(По архивным материалам)**

В обширном архивном наследии академика Николая Константиновича Никольского (17 июля 1863 г.—23 марта 1936 г.), хранящемся в СПб. филиале Архива Российской АН (АРАН, ф. 247), насчитывающем более 1180 единиц хранения, нашла отражение вся разнообразная деятельность ученого — прежде всего научная и педагогическая.¹ Уже в 1938—1939 гг. архив был разобран и составлены четыре основные Описи: 1. Рукописи трудов Н. К. Никольского; 2. Документы к биографии и по деятельности (1870-е—1936 г.); 3. Переписка (1870-е—1935 г.); 4. Семейная переписка (1888—1935 гг.). Однако с течением времени потребовалось проведение более тщательной систематизации фонда, которая и была проведена научным сотрудником СПб. филиала Архива Н. С. Карейшей. Материалы, внесенные ранее в Описи № 2 и № 3, при их внимательной разборке и изучении вошли в единую Опись № 2, которая обозначается: «Документы к биографии, по научно-организационной и преподавательской деятельности (1890-е—1936 г.)».

Материалы, связанные с научной, собирательской и педагогической деятельностью Н. К. Никольского — известнейшего ученого, церковного историка, специалиста в изучении славяно-русской письменности, директора Библиотеки АН, Книжной палаты, Института книговедения, организатора и директора историко-библиографического Музея славяно-русской книжности, профессора Петербургской Духовной Академии и Петербургского университета, отложились не только в СПбФ Архива РАН, но и в БАН (собр. 32), в СПбФ ИИ РАН (ф. 260) и в архиве ПДА. Однако фонд Н. К. Никольского в СПбФ Архива полнее всего отражает многообразие научных тем и занятий ученого.²

Перечислим наиболее важные из них. Это тема крещения Руси и роли в нем князя Владимира, история древнейшего русского летописания, происхождения Руси, проблема так называемых культурных влияний на

¹ См.: Архив АН СССР. Обзорные архивные материалы. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 134—140. (Труды Архива. Вып. 5).

² Список опубликованных трудов Н. К. Никольского до избрания его действительным членом АН см.: Протокол V заседания Общего собрания АН 9 мая 1916 г. (§ 124) при «Записке» В. Н. Перетца о его ученых трудах (Приложение IV) и Некролог, написанный Н. Н. Зарубиным: Изв. АН. Отд-ние обществ. наук. 1936. № 4. С. 119—124.

Древнюю Русь, учительное дело в Древней Руси, Повесть временных лет (как известно, в 1930 г. был издан первый выпуск книги Н. К. Никольского, обширные материалы для второго выпуска хранятся в его архиве), западнославянские культурные и литературные связи Древней Руси, история Академии наук и Библиотеки АН. Особый раздел составляют конспекты лекций Н. К. Никольского (гомилетика, история русского проповедничества и церковная история), прочитанных им в Петербургской Духовной Академии (1889—1908 гг.), Петербургском университете (1909—1910 гг.), на курсах в Институте книговедения (по истории рукописной книги — в 1922—1924 гг.). Отдельно следует отметить богатейшие материалы, связанные с работой Н. К. Никольского над историей Кирилло-Белозерского монастыря, особенно к ненапечатанным главам: V (о богослужении в монастыре и церковном обиходе); IV (о порядках монастырской жизни, общинной и келейной в XV, XVI и начале XVII в.); III (об управлении Кирилло-Белозерским монастырем, Московские Приказы и дьяки, Большой Дворец, Большой Приход, опричнина, Четвертый Приказ и проч.). См. Опись № 1. Любопытны материалы о древней живописи в Кирилло-Белозерском монастыре, записи и выписки о книгах: оброчных посевных, приходных и расходных, сундучных, описных, кабалных; заметки о строительстве церквей и келий в монастыре, подробный конспект под названием «История Кирилло-Белозерского монастыря после кончины преподобного Кирилла (по рукописям Академической библиотеки)». Но архивные материалы Н. К. Никольского по изучению Кирилло-Белозерского монастыря — это отдельная тема.

Они были отчасти использованы в книге А. Н. Кирпичникова и И. Н. Хлопина «Великая государева крепость» (М., 1972), тем не менее исследователи обращаются к ним еще недостаточно. Заслуживает внимания, например, черновой вариант описания Н. К. Никольским рукописей Гурия Тушина, или книг, переданных в Кирилло-Белозерскую монастырскую библиотеку из Софийского новгородского собрания, а также многочисленные, всегда исчерпывающие и точные выписки из многих рукописей Кирилло-Белозерской библиотеки, обилие имен, дат, географических названий, хозяйственных и монастырских сведений. Даже при беглом сравнении этих документов с изданными работами по истории монастыря видно, сколь многое осталось за их пределами и сколь широкий в хронологическом и жанровом плане материал требовалось изучить, хотя он и не вошел полностью в работу.³

Особый раздел архивного фонда Н. К. Никольского — его научная переписка. Его корреспондентами были Д. И. Абрамович, В. Н. Бенешевич, Н. Н. Зарубин, В. М. Истрин, Н. П. Лихачев, С. Ф. Ольденбург, А. С. Орлов, В. Н. Перетц, Ф. И. Покровский, П. К. Симони, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, Д. Т. Флоринский, А. А. Шахматов, А. И. Яцимирский (перечисляю наиболее крупные имена и лишь тех, кому принадлежит более 10 писем). Важно, что почти во всех случаях научной переписки сохранились черновики ответных писем Н. К. Никольского.

Уместно напомнить основные этапы научной биографии Н. К. Никольского. Они отражены в некрологе, написанном Н. Н. Зарубиным, и очень кратко — в справке при сведениях о его архивном фонде. Более подробные биографические сведения Н. К. Никольский сам сообщил в письме к В. Н. Перетцу в апреле 1916 г., необходимые, по-видимому, для избрания в действительные члены Российской Академии наук. В 1883 г. Н. К. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Семинарию, а в 1887 г. — Духовную Ака-

³ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). СПб., 1897. Вып. 1. Т. 1; СПб., 1910. Вып. 2.

демию со степенью кандидата богословия. С 16 августа 1887 г. по 16 августа 1888 г. состоял профессорским стипендиатом при Академии по кафедре русской церковной истории. С 15 сентября 1889 г. Н. К. — исправляющий должность доцента Санкт-Петербургской Духовной Академии по кафедре гомилетики и истории проповедничества. За сочинение «Литературные труды Климента Смолятича»⁴ 19 апреля 1893 г. ему была присуждена степень магистра богословия. В марте 1898 г. Н. К. становится экстраординарным профессором, а в мае 1899 г. — доктором церковной истории. Так был оценен 1-й выпуск его важнейшего труда о Кирилло-Белозерском монастыре. Материалы, связанные с изучением истории монастыря, — наиболее обширные в архиве ученого. С декабря 1899 г. Н. К. Никольский становится ординарным профессором. С 1906 г. он переходит на кафедру истории русской церкви в Академии, а 16 июня 1909 г. подает прошение об отставке «по расстроеному здоровью» (причиной, видимо, служили события, связанные с церковными реформами после 1905 г., в обсуждении которых он участвовал). Летом того же 1909 г. (18 июня) Н. К. зачисляется приват-доцентом императорского Петербургского университета, а через три года, в 1912 г., избирается профессором Психоневрологического института по кафедре русской филологии. 8 сентября 1916 г. Н. К. Никольский избирается академиком Российской Академии по Отделению русского языка и словесности. С 4 декабря 1918 г. по 1 ноября 1924 г. он — директор историко-библиографического Музея древней славяно-русской книжности, им основанного, с 4 сентября 1920 г. по 17 июля 1925 г. — директор Библиотеки Академии наук, с 18 сентября 1920 г. по 15 октября 1924 г. — директор Книжной палаты, позже переименованной в Институт книговедения. С 13 марта 1928 г. Н. К. был председателем Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ). Как известно, с 1915 г. в Академии наук работала и Комиссия по составлению толковой библиографии по древнерусской литературе (КТБ) под руководством академика В. Н. Перетца.⁵ На основе этих двух Комиссий в 1931—1932 гг. создается Комиссия по древнерусской литературе (КДЛ), причем бывшая Комиссия Н. К. Никольского (КПДЛ), формально вошедшая в КДЛ, не прекращала своей работы по ранее намеченному плану и несколько последующих лет. Председателем новой, общей Комиссии по древнерусской литературе был избран акад. Н. К. Никольский.⁶ Как это следует из документов, хранящихся в его архивном фонде, он предполагал, что новая Комиссия будет продолжать ту работу, которая была связана с более ранними трудами самого Н. К. Никольского по собиранию, библиографированию, систематизации и подготовке к изданию рукописного славяно-русского наследия. Эта работа, начатая в дореволюционное время с 1898 г., отчасти отразилась в известном труде Н. К. Никольского, подготовленном к изданию в 1906 г.: «Материалы для Повременного списка русских писателей и их сочинений XI—XIV вв.»⁷

Материалы эти были собраны и изданы Н. К. Никольским в соответствии с теми научными задачами, которые он сформулировал в 1902 г.

⁴ Никольский Н. К. О литературных трудах Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.

⁵ Отсылаю к моей статье по истории Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, в которой более подробно освещается этот материал: Рождественская М. В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.). К 55-летию Отдела // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 4—5.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ В СПбФ Архива хранится машинописная копия этого труда с рукописными вставками Н. К. Никольского, 360 л. (оп. 1, № 10).

в работе «Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности».⁸ Ее главный пафос заключается в том, что, по мнению Н. К. Никольского, делать какие-либо выводы или обобщения теоретического характера, пока не собран, не описан и не изучен в полной мере весь наличный рукописный материал, рано: «С правильным движением научной мысли несовместимы поспешные обобщения, основанные на недостаточных и мало изученных первоисточниках».⁹ При всей верности сказанного Н. К. Никольский исходил из четкого и во многом, как сейчас уже ясно, упрощенного и, в сущности, неправильного представления о разделении древнерусской литературы на церковную и светскую. С чем это было связано? По-видимому, с мало обращаемым вниманием исследователей на литературную сторону изучаемых памятников, с неразработанными представлениями о специфике средневековой поэтики и попыткой искать «художественность» главным образом в содержательном плане произведения. Ученый не делает различия между понятиями «книжность», «письменность» и «литература». Вместе с тем внимание Н. К. Никольского к конкретным палеографическим, кодикологическим и вообще книговедческим и библиографическим проблемам было неспоримым преимуществом его как ученого перед теми, кто стремился к широковысказательным и эффектным, но скоропалительным выводам. Но, к сожалению, выполнение задачи, поставленной в статье 1902 г., было слишком трудоемким для одного человека, для этого требовались усилия многих людей.

Не следует забывать, что Н. К. Никольский осознавал себя прежде всего церковным историком, и поэтому он отказывал древнерусским сочинениям в каких-либо литературных достоинствах: «До половины XVII в. библиотечная монастырская книга жила под влиянием богослужебно-учительных, а не литературных задач».¹⁰ Но литературные задачи в средневековой книжности, как мы знаем, могут совпадать с богослужебно-учительными, более того, быть обусловлены ими, так как именно жанр и функциональное предназначение и смысл произведения диктуют автору выбор художественных средств. Н. К. Никольский писал о важности церковно-исторического изучения этого рода памятников «в их происхождении, составе и генеалогии отдельных списков и произведений». Однако этот церковно-исторический подход никак не отменяет внимания к самому тексту, изучению его истории. О невозможности и неправомерности написания обобщающих трудов по древнерусской литературе, ее «синтетического освещения» Н. К. Никольский еще более определенно высказался и в 1929 г.,¹¹ и незадолго до своей кончины в феврале 1936 г. в письме к академику А. С. Орлову в связи с составлением в Отделе древнерусской литературы (ОДЛ) Института литературы «проспекта истории русской литературы эпохи феодализма» — в это время начиналась работа над 10-томной «Историей русской литературы». Н. К. Никольский писал: «Вы считаете такое составление возможным и научно выносимым при современном состоянии разработки первоисточников изученной дисциплины. Я не соглашался с Вами и признавал всякую попытку в этом направлении ненаучной и неизбежно — идеалистической, поскольку необходимый для обобщения фактический материал еще не собран, не систематизирован и не приведен в известность. Этот свой тезис, опирающийся на требование общенаучной

⁸ ПДПИ. Изд. ОЛДП. 1902. Вып. 147. С. 1—32.

⁹ Там же. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ [Никольский Н. К.] Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы. Л., 1929.

методики, я высказал впервые еще в 1902 году и продолжаю отстаивать его упорно до сих пор. Этот тезис и побудил меня приняться за эту сложную и обширную работу, которая в 1928 году вызвала в свет КПДЛ. До этого времени, когда не будет составлена *Historia Litteraria* для древнего периода русской литературы, всякое построение ее истории, по моему мнению, будет опираться на песок или на воздух. Со своей стороны Вы считаете мою затею химерою, которая откладывает историко-литературную задачу *ad calendas graecas*. К сожалению, такая точка зрения сильно затормозила работы КПДЛ, о чем Вы, конечно, знаете из ее отчетов и других моих записок, четыре последних года были временем борьбы КПДЛ с препятствиями, создаваемыми ОДЛ для успешного расцвета ее деятельности. Вам лучше, чем мне, известны эти препятствия, и я не стану на них останавливаться еще раз. Но позволю себе обратиться Ваше внимание, что история древнерусской литературы пока еще не существует. Ее нужно создавать, т. е. собирать фактические материалы, практически оценить [их], хронологизировать, выделять произведения светских авторов от церковных, поскольку историки новой литературы не изучают богословских сочинений XVIII и XIX вв., разобрать те и другие по классовой линии, выяснить эволюцию средневековой идеологии, а не одной только стилистики и формальной стороны произведений и т. д. и т. д. Какое соответствие с минувшей реальностью и какую научную ценность будет иметь проспект, если не пройдена даже первая стадия необходимой предварительной работы, т. е. если не приведен в известность и не собран материал для обобщения?».

Работа Н. К. Никольского по собиранию и систематизации славяно-русского рукописного материала была связана с тем, что в 1898 г. ОРЯС АН поручило ему составление «Повременного списка древнерусских авторов» и образование «Комиссии по изданию памятников древнерусской письменности». «Повременный список», как отмечал Н. К. Никольский в Записке, адресованной им в ОРЯС АН в сентябре 1926 г. при передаче Академии наук Музея славяно-русской книжности, «должен был облегчить труды по изданию памятников древнерусской литературы, предпринятому Отделением в 1897 году по инициативе академиков М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова».¹² Материалы собирались Н. К. Никольским вплоть до 1917 г.¹³ До 1910 г. эти материалы находились в квартире Н. К. Никольского в Петербурге в доме № 40 по Садовой улице. Затем он перевез их в Царское Село, на Бульварную улицу в дом № 37, где он жил вплоть до самой своей смерти в марте 1936 г. и где в 1918 г. был создан историко-библиографический Музей славяно-русской книжности. Об этом Н. К. Никольский сообщал следующее: «В 1918 г., вслед за обращением Наркомпроса к Академии наук с предложением наметить новые научные предприятия, возникла мысль придать единоличной работе более устойчивую форму в виде организации при ОРЯС историко-библиографического Музея славяно-русской книжности, задачи которого были изложены мною в Записке, заслушанной в Заседании Отделения 4 декабря 1918 г.».¹⁴

¹² См.: АРАН, ф. 247, оп. 2 (3), № 40 (99).

¹³ Они отразились в изданиях: Никольский Н. К. 1) Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1903; 2) Материалы для Повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI века). СПб., 1906; 3) Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. СПб., б.г. Вып. 1 (А—Б). (Изд. ОЛДП, № 132). За «Материалы для Повременного списка» и за книгу о Кирилло-Белозерском монастыре Священный Синод присудил Н. К. Никольскому премию митрополита Макария. В фонде 247 СПбФ Архива находятся письма Учебного комитета Синода с извещением о присуждении.

¹⁴ АРАН, ф. 247, оп. 2 (3), № 40 (99).

Что же составило основу, фонды Музея? Кроме огромной библиотеки ученого, собиравшейся более 50 лет, это картотека и библиографический материал. Передавая материалы Музея уже в 1926 г. в Библиотеку АН, Н. К. Никольский составил перечень того, что было «экспонатами» Музея:

1. Сведения о писцах и владельцах рукописей, продолжение печатного начатого издания «Рукописная книжность древнерусских библиотек». Это более 12 тысяч карточек в 44 папках;

2. «Археологический перечень сохранившихся славяно-русских датированных рукописей с XI в. по конец XVII в.». Это от 4 до 5 тысяч карточек в 14 папках;

3. Сведения о сохранившихся пергаменных рукописях и отрывках. Это около 1800 карточек в 6 папках;

4. «Материалы для истории русских библиотек и географического указателя древнерусских и заграничных книгохранилищ с древнейшего времени до 1914 г.»;

5. Один ящик карточек с перечнем отдельных статей, содержащихся в пергаменных сборниках и их отрывках. Около 2 тысяч номеров;

6. 44 ящика с карточками и материалами для:

- а) списка русских авторов и их сочинений и переводных памятников;
- б) алфавита названий или заглавий сочинений;
- в) алфавита начальных слов.

Каждый ящик содержал от 2 до 3 тысяч карточек. Отдельно отмечались рукописи, описанные *de visu*, но не имеющие своих печатных описаний. В этом отделе было 120 тысяч карточек. Однако, как указывал Н. К. Никольский, сводка материалов была далеко еще не закончена. Для этих материалов в Библиотеке АН с осени 1924 г. было устроено особое помещение, а сотрудники Музея с 1 октября были включены в штат БАН. Сотрудниками кроме самого Н. К. Никольского с начала организации Музея были Н. Н. Зарубин, Н. А. Порфирьев, а позднее сестра Н. К. — А. К. Никольская, жившая в собственном доме № 39 по Бульварной улице. К осени 1924 г. штатным сотрудником был лишь Н. Н. Зарубин. К истории закрытия Музея мы еще вернемся.

Итак, Музей возник в конце 1918 г. распоряжением РАН. Важно, что он не был вновь создаваемым учреждением, как это случалось в те годы, а официально был оформлен как важное научное учреждение на основе уже много лет существующей коллекции и много лет проводимой работы. Это было признанием ее научной ценности, чему немало содействовала поддержка Академии наук. Позже, летом 1922 г., Н. К. Никольский писал: «Принимая во внимание научное значение собираемых в течение многих лет для Российской Академии наук коллекций, Президиум Царскосельского Совета рабочих и солдатских депутатов в Отношении от 16 мая 1918 года (№ 8198) за подписью председателя Совета т. Королева постановил освободить от вселения и взимания налогов квартиру во 2-м этаже д. № 37 по Бульварной улице, где находились упомянутые материалы. Это же постановление было повторено в резолюции комиссара Отдела городского хозяйства в Отношении от 20 июня 1918 года за № 2737» (14 августа). Далее Н. К. Никольский объяснял, что Музей имел «своею задачею собирать для научных целей сведения по библиографии и истории славяно-русских рукописей и библиотек (с XI в. по XIX в.), как то: материалы, относящиеся к минувшему и современному состоянию рукописно-книжного дела на Руси и в славянских землях, то есть печатные и рукописные описания собраний славяно-русских рукописных книгохранилищ, документы (в копиях) и исследования, относящиеся к их истории, копии и воспроизведения (фотографические и иные) с памятников письменности, издания их

и исследования о них, материалы и труды по истории рукописной миниатюры (то есть художественной раскраски их), палеографии и т. п.».

Это было написано в документе, направляемом в Подотдел недвижимых имуществ Детскосельского Совета.¹⁵ Автор напоминал, что о научной ценности материалов, находящихся в Музее, которые собирались для подготовки полного издания собрания русских сочинений начиная с XI в. (продолжения «Повременного списка русских писателей»), говорилось в документах АН от 4 марта 1918 г. (№ 344) за подписью Непременного секретаря АН и Наркома А. В. Луначарского, от 21 мая 1921 г. (№ 641) за подписью президента АН академика А. П. Карпинского. 1918—1921 гг. были не самыми спокойными для Петрограда и Царского Села, и Н. К. Никольский был вынужден обращаться в местный Совет и к академическим властям за помощью в обеспечении сохранности помещений Музея и его коллекций:

В Детскосельский Совет

Прошение

Н. Никольского

Во время военных действий под г. Детским Селом в октябре текущего года от разрыва снаряда образовались более 20 пробоин на крыше дома № 37 по Бульварной улице, во втором этаже которого помещается Отделение историко-библиографического Музея, устраиваемого Российской Академией наук. От течи во время дождя и оттепелей повреждена часть материалов, книг и рукописей, принадлежащих Академии наук. Ввиду срочной необходимости сохранить от дальнейшей порчи собранные в течение долгих лет ценные научные материалы, а также обстановку, предназначенную для Музея, покорнейше прошу разрешить мне переместить временно часть музейных вещей в соседний деревянный дом № 39 по Бульварной улице, остающийся незанятым, в котором до сих пор находится часть коллекций и обстановки, предназначенной для того же Музея (негативы, книжные шкафы, книги и прочее) и распорядиться на этот дом те же льготы, какие предоставлены Совдепом квартире № 2 в д. № 37 по Бульварной улице, именно: освободить ее от вселений и взимания налогов, признав помещение, занятое музейными коллекциями, состоящим под особою охраною Российской Академии наук.

2 дек. 1919 г.
Детское Село
Бульварная, 37

Заведующий <нрзб.>
Историко-библиографического Музея
действительный Член Российской
Академии наук Николай Никольский

Это обращение Н. К. Никольского было поддержано Президиумом Академии наук, о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве машинописная копия документа от 30 января 1920 г., адресованного в Детскосельский Совет рабочих и солдатских депутатов и подписанного академиком А. А. Шахматовым:

В Детскосельский Совет рабочих и солдатских депутатов

Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук просит Детскосельский Совет рабочих и солдатских депутатов предоставить во временное пользование Отделения квартиру в д. № 37 по Бульварной улице, № 1, в нижнем этаже, освободившуюся ввиду перевода ее квартиранимателя инженера К. А. Коцело на службу в г. Воронеж. Это помещение необходимо Отделению, во-1-х, для помещения рукописей и книг, принадлежащих Академии наук, предназначенных для устраиваемого Академиею историко-библиографического Музея и находящихся в верхнем этаже того же дома в квартире № 2. Во время военных действий под Детским Селом в октябре 1919 года вследствие разрыва снарядов над крышею дома, она получила свыше 20 пробоин, дающих сильную течь во время оттепели и дождей, угрожающих повредить научные материалы, собираемые в течение долгих лет. Во-2-х, та же квартира необходима Отделению для размещения и разбора материалов, предназначенных для устраиваемого при Академии наук историко-библиографического Музея и для работ над ними, сильно стесненных вследствие недостатка соответствующих помещений. Отделение

¹⁵ АРАН, ф. 247, оп. 2(3), № 40(99). Далее цитируются документы из этого фонда, поэтому отдельно каждый не оговаривается.

надеется, что Детскосельский Совет рабочих и солдатских депутатов в интересах науки не откажет в своем содействии Отделению и предоставит ему упомянутую квартиру на тех же льготных условиях, на каких он предоставил Академии квартиру № 2 в том же доме, т. е. безвозмездно и с освобождением от принудительного вселения.

Председательствующий А. Шахматов

Эти обращения не остались без ответа. Удовлетворяя просьбу Н. К. Никольского оградить от разграблений библиотеку и коллекцию, назначить доверенное лицо в доме для охраны, исправить водопровод и крышу, перенести основные коллекции Музея временно в нижний этаж, Детскосельский Совет в 1921 г. производит опись вещей, «находящихся в доме № 39 по Бульварной улице (угол Леонтьевской), бывшем Никольских и принадлежащих гр. Н. К. Никольскому», и «инвентарную опись оборудования и обстановки Отдела Библиотеки Российской Академии наук (Музея древней славяно-русской книжности), находящегося в г. Детском Селе (Бульварная д. 37)». Музей продолжал функционировать. Он был «живым», в нем не прекращалась научная работа, и Отделение русского языка и словесности поддерживало его и в необходимых справочных материалах, и деньгами. Сохранилась выписка из протокола заседания ОРЯС АН от 23 июня (10 июля) 1920 г. под председательством А. А. Шахматова, на котором было положено «поручить Н. К. Никольскому возбудить перед московским Книжным фондом просьбу об уступке историко-библиографическому Музею нужных ему книг и рукописей». В октябре 1920 г. Н. К. Никольский составил смету на израсходование аванса (30 тыс. р.), назначенного на содержание и пополнение Музея:

На наем помещения для библиографических коллекций (в Детском Селе) по 406 р. в месяц. За 6 месяцев по 1 ноября 1920 г. — 2436 р. На уплату за составление 1200 библиографических карточек, по 15 р. за карточку — 18 000 р. На переписку библиографических материалов и расклейку вырезок из печатных каталогов, за 100 часов работы, по 100 р. в час — 10 000 р. Итого 30 436 рублей.

9 октября 1920 г.

Н. Никольский

В мае 1921 г. на заседании ОРЯС «в распоряжение академика Н. К. Никольского» решено выделить на издание «Памятников древней письменности» 50 тыс. р. и на Музей славяно-русской книжности — 300 тыс. р. (выписка из Протокола от 10 мая). 3 сентября 1921 г. в ОРЯС посылается заявление от штатного сотрудника Музея, ученика Н. К. Никольского, Н. Н. Зарубина с просьбой выдать бумаги для библиографических карточек. Может быть, не без содействия Н. Н. Зарубина, уроженца г. Витебска, Отделение просило Н. К. Никольского «войти в сношения с Витебским губернским Отделом народного образования для выяснения вопроса о возможности получения книг и рукописей на некоторые академические издания и выяснить, какие книги и рукописи было бы желательно приобрести для БАН и для Музея славяно-русской книжности». Этот документ подписан акад. В. М. Истриным и отложен в СПбФ Архива.

При каждодневной библиографической работе в Музее велись «рассыльные книги», в которые, правда не регулярно, заносились все траты и сведения о перемещении необходимых книг. В документах этого времени (1921—1924 гг.) Музей часто называется «Детскосельским отделом Библиотеки Российской Академии наук». Адрес его тот же — Бульварная улица (ставшая вскоре Октябрьским бульваром), д. 37. ОРЯС выдает Н. К. Никольскому удостоверения в том, что он «состоит заведующим принадлежащего Российской АН Музея славяно-русской книжности (отдела Библиотеки)», за подписями «исполняющего обязанности Председательст-

вующего в Отделении русского языка и словесности В. Истрина и зав. канцелярией П. Симони» (26 мая 1921 г.), и в том, что «находящиеся в доме № 37 по Бульварной улице г. Детского Села, занятом Музеем славяно-русской книжности при Российской Академии наук, собрание рукописей, библиографических материалов, печатных листов, книг на русском и иностранных языках, гравюр и пр., относящихся к археографии, археологии и истории культуры, библиографии и др., вместе с оборудованием и обстановкой принадлежат Российской Академии наук и являются составными частями состоящего при Отделении русского языка и словесности Академии наук Музея древней славяно-русской книжности.

Как ценность, имеющая большое значение для науки, означенное собрание подлежит самой тщательной охране». Документ подписан: «За Непрременного секретаря академик Е. Карский». Но, по-видимому, неуверенность в сохранности коллекций Музея, в выполнении обязательств, взятых на себя Детскосельским Советом по отношению к дому Н. К. Никольского, не покидала членов ОРЯС, так как Отделение обратилось в Президиум Академии наук с объяснительной запиской, в которой просило воздействовать на местные власти. Копия этого документа сохранилась в фонде Н. К. Никольского:

В Президиум Академии наук СССР

Объяснительная записка

В 1898 г. Отделение русского языка и словесности поручило Н. К. Никольскому составление «Повременного списка древнерусских авторов» и образование «Комиссии по изданию памятников древнерусской письменности». Для исполнения той и другой задачи акад. Н. К. Никольский приступил к собиранию материалов по различным российским библиотекам, получая для этой цели некоторую субсидию от Отделения. Собранные в большом количестве материалы, лишь частью обработанные и выпущенные в свет в виде 1 тома «Повременного списка», хранятся в доме № 37 по Октябрьскому бульвару в Детском Селе. Кроме упомянутых материалов, как обработанных, так и еще в большей степени не обработанных, у Н. К. Никольского имеется собиравшаяся в течение 70 лет громадная библиотека, которая является неоценимым пособием при обработке указанных материалов. Таким образом имущество, о котором идет речь, состоит из 1) картотеки, содержащей более 150 тысяч карточек, 2) копий с древних рукописей, из которых многие рукописи, может быть, уже исчезли, и 3) библиотеки. ОРЯС чрезвычайно заинтересовано как в сохранности и неприкосновенности означенного имущества, имеющего исключительное научное значение, так и в предоставлении Н. К. Никольскому возможных удобств для исполнения намеченных Отделением научных работ, что возможно единственно при условии сохранения имущества в настоящем помещении. Отделение считало бы вполне справедливым, если бы указанное научное имущество находилось под защитой Академии наук и было бы освобождено от различных повинностей, которыми ему грозит его обложение, если местные власти будут рассматривать его как частное имущество. При настоящих условиях не исключается и опасность его расхищения. Так как акад. Н. К. Никольский неоднократно заявлял, что он передает все означенное имущество Академии наук, то ОРЯС считает правильным, если бы указанное имущество осталось временно в заведовании Н. К. Никольского в том самом помещении, в каком оно находится в настоящее время, с освобождением его от обычных повинностей.

Исп. об. Председательствующего
Зав. Делопроизводством.

[без подписи и без конкретной даты. 1922]

К 1924 г. произошло перекомплектование штатов Академии наук. В это время, будучи директором Музея славяно-русской книжности, Н. К. Никольский занимал и пост директора Библиотеки АН и Книжной палаты. Академией наук Музей рассматривался как отдел Библиотеки и, соответственно, фактически, но не юридически, подчинялся ОРЯС. Однако в Академию наук, и в Отделение в частности, внедрялась система единых научных планов. Особенности работы Музея, не рассчитанной, да и не могущей дать быстрые результаты, не укладывались в их «прокрустово ложе». Возникла мысль о передаче материалов Музея (главным образом

картотеки) в БАН. Размещение их вне Петрограда, в Детском Селе, было неудобно для Библиотеки. Конечно, тем самым нарушалась известная самостоятельность Музея, и вопрос о передаче вызвал обсуждение. Приведу выписку из протокола заседания Отделения русского языка и словесности от 14 октября 1924 г., сохранившуюся в фонде Н. К. Никольского.

Ст. 125. Исп. об. Председательствующего доложил, что на его запрос от 8/X с. г. Управление делами Правления уведомило 10/X № 1432, «что по новым штатам Академии особых штатов Музея славяно-русской книжности не значится и что сотрудники названного Музея включены с 1 июля с. г. в соответствии с высказанными Штатной Комиссией соображениями в общие штаты Библиотеки РАН». При этом заведующий Музеем акад. Н. К. Никольский добавил, что в настоящее время при Библиотеке, согласно постановлению Общего Собрания (VII засед. 6 окт. 23 г. ст. 155), устраивается особое помещение, куда и будут переданы материалы Музея. При обсуждении выяснилось: что 1) Отделению до сих пор остается неизвестным, ввиду отсутствия описи и инвентаря, какого рода материалы находятся в Музее, 2) те материалы, которые под именем музейных находятся в помещении акад. Н. К. Никольского, составляют его личную собственность, а не Отделения, у которого нет никаких документов на право владения ими, 3) в настоящее время при уничтожении сотрудников Музея и при отсутствии всяких средств дальнейшее существование при Отделении Музея является совершенно бесцельным. Постановлено признать существование Музея славяно-русской книжности при Отделении прекратившимся, о чем и донести Общему Собранию и Правлению.

Исп. об. Председательствующего В. Истрин.
Зав. делопроизводством П. Симони.

А 1 ноября 1924 г. прошло Общее собрание конференции Российской Академии наук, которое вынесло постановление в § 210 в связи с передачей коллекций историко-библиографического Музея Библиотеке АН о прекращении самостоятельного существования Музея. Но работа, которая велась уже несколько десятилетий, не прекращалась. Официальное упразднение Музея вызвало ряд трудностей, и прежде всего финансовых. В сентябре 1926 г. Н. К. Никольский по решению Президиума АН от 2 сентября представил в ОРЯС записку о работах по составлению «Повременного списка древнерусских авторов» — продолжения изданных «Материалов» и по изданию памятников древнерусской письменности. В ней он просил «оказать содействие к устранению препятствий для дальнейшего продолжения указанных работ». На заседании ОРЯС от 7 сентября 1926 г. было постановлено: «...представить Президиуму Академии наук Записку о положении дела вместе с Запиской Н. К. Никольского и просить его (т. е. Президиум. — М. Р.) оказать соответствующее содействие». Протокол подписали академики В. М. Истрин и П. К. Симони. Очевидно, в эти же дни Н. К. Никольский сообщил о своем решении передать Музей Академии наук. 21 сентября 1926 г. он получил письмо из Президиума, машинописная копия которого сохранилась в его архиве:

21 сентября 1926 г. № 6015

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Президиум Академии наук СССР, при рассмотрении постановления ОРЯС от 7 сентября с. г. (ст. 97), остановился на отмечаемом в объяснительной записке и. о. Председательствующего ОРЯС Вашем решении передать Академии наук СССР в собственность принадлежащее Вам и находящееся ныне в Детском Селе по Октябрьскому бульвару в д. № 37 научное имущество в составе картотеки, собраний копий древних рукописей и библиотеки.

При обсуждении указанного вопроса Президиум признал необходимым довести до Вашего сведения, что Академия наук, конечно, с чувством искренней и глубокой признательности примет Ваш ценный дар, причем не встретит препятствий к сохранению этого имущества в Вашем заведовании с оставлением его в помещении, где оно ныне находится. Но для осуществления этого предложения, если Вам угодно его реализовать, а равно и для открытия Академии наук возможности принять срочные меры к закреплению за Академией наук дома, в котором упомянутое имущество сосредоточено, и к охране самого имущества, совершенно

необходимо официальное с Вашей стороны письменное заявление в Академию наук о прине- сении Вами в дар последней указанного имущества.

Лишь после этого Академия в состоянии будет предпринять соответствующие официальные шаги, диктуемые обстоятельствами настоящего дела.

Уведомляя Вас об изложенном, ввиду выраженного Вами намерения считаю долгом еще раз подтвердить Вам от имени Президиума горячую признательность Академии наук за Ваше желание присоединить к академическим собраниям Ваши научные материалы, являющиеся результатом многолетнего труда их ученого собирателя.

Искренне Вас уважающий А. Ферсман.

25 сентября Н. К. Никольский посылает в Президиум ответное письмо, в котором высказывает определенные пожелания относительно своего даль-нейшего отношения к материалам, переходящим в собственность Академии наук. Работа была далека от завершения. Кроме того, отдельные закон-ченные ее части требовали систематизации и описания. Поэтому Н. К. Никольский пишет о необходимости «беспрепятственно привести их (материалы. — М. Р.) в порядок». При этом он просит «не обременять его делопроизводительной отчетностью, занимающей очень много времени». В первую очередь, считал Н. К. Никольский, нужно привести в порядок картотеку, «каталогизацию же библиотечного имущества отнести на вторую очередь с тем, чтобы получить возможность с упорядоченною картотекою объединить библиографически как собранные копии (документов. — М. Р.), так и книги». Н. К. Никольский просил Президиум Академии о возможности продолжать обработку рукописного материала самому. «В случае моей смерти, — писал он, — картотека, не приведенная в порядок, окажется мало-полезною для научной цели (подобно тому, как оказались малополезными однородные не доведенные до конца отзывы Сахарова, Горского, Вяземского и других), потребуются повторение двадцатилетней работы». Президиум Академии согласился с условиями Н. К. Никольского, но, поскольку решение о передаче коллекций Музея в Академию было принято, возник вопрос о необходимости национализации дома № 37 по Бульварной улице. Хранение же материалов, как и охрана самого здания были возложены на Н. К. Никольского. Академия поручила юрисконсульту документально оформить эти отношения. 12 октября 1926 г., когда необходимые формаль-ности были, очевидно, уже совершены, Н. К. Никольский получил от Академии еще одно благодарственное письмо за подписью академика И. Ю. Крачковского.

Итак, историко-библиографический Музей славяно-русской книжности просуществовал с 1918 по 1926 г. Основную работу в нем проводили, не считая самого директора, в разное время еще два человека — Н. Н. Зарубин и Н. А. Порфирьев. Большая часть материалов при жизни Н. К. Николь-ского оставалась у него на квартире в Царском Селе. Ими, уже после ликвидации Музея, продолжали пользоваться его ученики и сотрудники по КПДЛ. Конечно, полностью завершить задуманное не удалось, но материал был собран огромный. Картотека Н. К. Никольского, хранящаяся в РО БАН, и поныне остается бесценным источником в изучении древне-русской книжности.¹⁶ Возглавляя Комиссию по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы, все же Н. К. Никольский не успел не только довести работу до конца, но и привести многое в надлежащий порядок, — как древние рукописные материалы, так и собственные рукописи и библиотеку. В разборке этих материалов и книг, оставшихся после его смерти в марте 1936 г., самое непосредственное участие принимала

¹⁶ Покровская В. Ф. Картотека академика Н. К. Никольского // Академия наук СССР. Библиотека. Труды. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 142—150.

В. П. Адрианова-Перетц. Это благодаря ей в библиотеке Н. К. многое было систематизировано и упорядочено. КПДЛ с 1932 г. вошла, как известно, в состав Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, наряду с Комиссией по составлению Толковой библиотеки В. Н. Перетца. Поэтому после смерти Н. К. Никольского предполагалось, что значительная часть его библиотеки перейдет в Отдел. Как отмечал А. С. Орлов, «после смерти акад. Н. К. Никольского... по постановлению комиссии, созданной для распределения между учреждениями Академии наук его рукописного и книжного наследия, из библиотеки академика, составлявшей собственность Академии наук (за много лет до смерти Никольский сам передал ее туда), должны были быть выделены книги по древнерусской и славянским литературам и переданы Отделу древнерусской литературы ИРЛИ для образования в нем кабинета древнерусской литературы. Кроме этих книг Отделу полагалась и принадлежащая Институту картотека КПДЛ». ¹⁷ Однако картотека, равно как и библиотека Н. К. Никольского, поступила в Библиотеку АН. ¹⁸ Таким образом, Н. К. Никольский с момента закрытия Музея как самостоятельной научной единицы продолжал свою работу, оставаясь председателем Комиссии, входящей в Отдел древнерусской литературы ИРЛИ, подчиняясь уже научным планам и интересам ИРЛИ (а вернее, не всегда подчиняясь и во многом не соглашаясь и с руководством Отдела — акад. А. С. Орловым, В. Н. Перетцем, и с руководством Института). ¹⁹ «Комиссия не стала, к сожалению, тем центром, который объединял бы усилия не только исследователей древнерусской письменности, но специалистов смежных областей знания. А именно в таком объединении исследовательских усилий и видел необходимое условие плодотворной работы по изучению литературы и — шире — культуры Древней Руси В. Н. Перетц, а вместе с ним возглавивший Отдел А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц». ²⁰

Тем не менее материалы, собранные за долгие годы Н. К. Никольским и составлявшие основу Музея, его труды в разных областях изучения древней славяно-русской книжности, его картотека, наконец, — это бесценные источники для каждого, кто занимается вопросами древнерусской литературы. Историко-библиографический Музей славяно-русской книжности, организованный Н. К. Никольским, — недолгий, но важный и в чем-то поучительный этап истории изучения древнерусской литературы в первые послереволюционные годы, о котором не следует забывать.

¹⁷ Цитирую письмо А. С. Орлова: АРАН, ф. 150, оп. 1 (1936), л. 19. Машинопись.

¹⁸ Историю передачи в БАН картотеки и библиотеки Н. К. Никольского см. в моей статье: К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.).

¹⁹ Об истории обеих Комиссий (КДЛ и КПДЛ), научных спорах между акад. Н. К. Никольским и В. Н. Перетцем см. там же. С. 8—12.

²⁰ Там же. С. 11.